

О МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

М. И. ЗАСЛАВСКАЯ

Несмотря на то, что в рамках различных философских и социологических концепций понимание того, что такое знание, довольно разнообразно, однако, очевидна роль знания в жизни человеческого общества (при любых истолкованиях этого термина): будь то научное знание, доступное лишь узкому кругу специалистов, или обыденное знание, распространенное в тех или иных слоях населения (часто искаженное распространенными среди людей предрассудками или связанное с теми или иными традициями), или, скажем, религиозный опыт, связанный с верованиями какой-либо конфессии или секты. В конечном итоге ценность всякого знания (в любом его истолковании) определяется его ролью как регулятора поведения отдельного человека или человеческих сообществ, а потому естественно поставить вопрос о ценности человеческого знания и об его истинности, то есть соответствии нашего знания реальным закономерностям, имеющим место в мире. Как правило, ценность и истинность знания суть совпадающие его характеристики. Хотя, конечно, бывают и исключения; например, концепция неизбежности перехода человеческого общества к коммунизму сыграла значительную роль в формировании идейного настроения общества в СССР. Во всех случаях проблема извлечения истинных компонент знания играет значительную роль в оценке познавательной ценности знания и его валидности.

Исследования этого вопроса показывают, что содержание знания, а также механизм его накопления и легитимации (как научного знания среди специалистов, так и обыденного знания среди тех или иных групп населения) существенно зависит от состояния общества (в идеологическом, политическом, экономическом, а также религиозном аспекте). Иначе говоря, знание легитимно в определенном социальном контексте, легитимация зависит от референтной группы, для которой это знание истинно. В одной группе одно и то же суждение может быть знанием, в другой — таковым не являться. Процесс легитимации того или иного научного знания в обществе далеко не однозначен и может вообще не осуществляться в течение длительного времени.

Другой вопрос касается содержания знания. Абсолютно ли понимание истинности знания, по каким законам создается знание — контекстнозависимым или универсальным? В принципе, если мы принимаем идею релятивизма знания, то содержание легитимного знания для каждой конкретной группы также может дифференцироваться; законы получения знания зависимы от конкретного контекста. Знание, напри-

мер, об антропологических особенностях какой-либо определенной этнической группы может возникнуть спонтанно из опыта интеракций между людьми, но оно может возникнуть в результате манипулятивных целенаправленных внушений, либо из, например, научных закономерностей, открытых в рамках социальной антропологии. Если мы рассматриваем контекст какой-либо конкретной этнической группы, то знание, принимаемое как истинное превалирующим большинством членов группы и претворяемое ими в каждодневные акты деятельности, станет обыденным. Однако оно может не быть знанием для иной этнической группы. Механизм легитимации этого знания, как уже говорилось, может быть либо обыденной практикой, либо манипулятивным политическим воздействием, либо, наконец, определяться когнитивными механизмами получаемого научного знания (часто пересекающимися с политическими методами легитимации знания), либо приниматься членами группы на веру. Процесс легитимации знания может быть основан и на идеологии. Понимание идеологии — отдельный базисный вопрос в социологии знания. В настоящее время даже происходит конституирование и отделение от социологии знания новой области — теории идеологий¹. Идеология, в отличие от знания, может быть определена как система знаний для определенной группы, легитимной для ее членов и определяющей основы практики в жизнедеятельности этих членов.

Развитие социологии на рубеже двух тысячелетий создало определенные особенности методологических подходов и оценок социологического знания. В последние десятилетия в свете подходов постмодернизма сложились новые традиции в изучении общества, акцентирующие относительность, локальность, децентрализованность знаний об обществе. Широкий спектр теоретических подходов, подчас несоразмерных друг с другом, особенности получения социологического знания на эмпирическом уровне, в частности, в свете качественно-количественной дихотомии, создают предпосылки противоречивости и атомарности социологического знания.

Тем более актуальной становится проблема разработки критериев истинности указанного знания (зачастую не акцентируемой производителями самого знания).

Практически общепринятым в социологии стал девиз: «каждый сам себе методолог», подчеркивающий релятивизм, локальность социологического знания. В этом контексте принципиально отвергается идея об объективности социологического знания, подчеркивается субъективно-интерпретативный его характер. Трансцендентный, онтологический критерий истины (знание истинно, если оно соответствует бытию) не релевантен, поскольку бытие многозначно и конструируется социально².

¹ См.: Т. А. Van Dijk. Ideology: A multidisciplinary approach. London: Sage Publications Ltd. 1998.

² См.: П. Бергер, Т. Лукман. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 320 с.

Формальный или логический критерий истинности (знание истинно, если оно логично) упирается в отсутствие логической формализации социологического знания. В это же время психологический критерий (знание истинно, если оно воспринимается в соответствующей среде как истинное) более релевантен, так как в каждом конкретном контексте очевидное знание также конституируется социально. Критериями истинности знания фактически неявно принимаются конвенционализм и прагматизм.

Лучше разработаны принципы проверки истинности эмпирического знания. В эмпирической социологии одним из традиционных критериев достоверности полученного эмпирического знания служит соблюдение общепринятых принципов проведения социологического исследования, которое по умолчанию априорно гарантирует достоверность полученного знания. При этом эмпирическими критериями качества полученной количественной информации являются надежность методов ее получения, включающая устойчивость, точность и валидность информации³. Все эти категории относятся, прежде всего, к характеристикам инструмента социологического исследования и полученной с его помощью информации. Напротив, методология и традиции качественных исследований (истоки которых — феноменология и постмодернизм) в эмпирическом плане либо принципиально отвергают постулат объективности, скатываясь в социологический релятивизм (дескать, истин много, основная цель качественной социологии — понять), либо предлагают ряд исследовательских технологий, которые направлены только на относительное подтверждение гипотез о достоверности информации (отрицание их, по существу, не имеет практических критериев). При этом основа достоверности информации ставится в прямую зависимость от ее сравнимости. Один из традиционных методов эмпирической социологии, каковым является триангуляция⁴, нередко приводит к противоречивой, зачастую непересекающейся информации. Таким образом, возникает на первый взгляд методологический и методический вакуум, касающийся оценки полученной информации. Если у «количественника» и «объективиста» имеются определенные математические критерии проверки достоверности знания, то «качественник» может предложить ряд технологий для обеспечения достоверности и довольствоваться очень расплывчатыми критериями достоверности. Причем, социологическое знание приобретает модус *in-knowledge* (внутреннее знание в рамках конкретной социологической школы). Здесь размываются критерии отличия науки от творчества, культивируется привязка социологического знания к конкретному социальному опыту в конкретных социальных средах.

³ См.: R. K. Schutt. *Investigating the Social World*. 4th Ed. Pine Forge Press. 2004.

⁴ См.: N. K. Denzin and Y. S. Lincoln (Eds.). *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, CA: Sage. 1994.

Фактически, разработка критериев истинности социологического знания на нынешнем этапе включена в некоторый замкнутый круг, локализующийся в рамках конкретного контекста. «Необходимым критерием истинности генерализаций является методологическая правильность»⁵, - считает Батыгин. Между тем, «методологическая правильность» напрямую зависит от сложного процесса легитимации знания и его производства, процесс этот контекстуален и зависит от конкретных традиций и институтов легитимации знания в рамках определенной научной школы.

Появляется необходимость выработки нового подхода к оценке истинности знания или информации (информация может и не быть знанием, если она не легитимирована).

Карл Маннгейм⁶ выделил три основных категории в процессе выработки нового знания. «Эпистемологическая позиция есть результат характеристики “фактов”, данных в науке как “знание”. Знание, таким образом, включается в качестве третьего члена в корреляцию между познающим и долженствующим быть узанным. Так в эпистемологии появляется тройственное отношение: *познающий - известное (знание) — долженствующее быть узанным*»⁷. При этом если мы говорим об эпистемологии социологии, то субъект познания (познающий) и объект познания (общество) связаны между собой отношением вложенности (субъект есть органическая часть, порождение объекта познания), обуславливающим субъект - объектную корреляцию познания. Таким образом, анализ получаемого социологического знания относится к уровню метатеории, а точнее метасоциологии.

Чтобы яснее представить себе место метасоциологии в эпистемологической схеме, структурируем ее по уровням познания. Если соотнести объект познания (в нашем случае общество) с I уровнем в эпистемологической структуре, то знание об объекте будет относиться ко II уровню (в нашем случае ко II уровню относится социология, как наука об обществе). На уровне метасоциологии находится эпистемология социологии (III уровень). Принимая постулат социально-культурной детерминации научного, в частности, социологического знания, мы, тем самым, обращаемся к основным положениям социологии знания, как метатеоретической области социологии, в которой анализируются с различных теоретико-методологических позиций следующие проблемы:

- социальная природа знания (социология знания в узком смысле);
- мышление во всей качественной специфике его исторического становления (социология мышления);
- концептуализация когнитивных систем в конкретных социо-

⁵ Г. С. Батыгин. Лекции по методологии социологических исследований. М., 2001.

⁶ См.: К. Маннгейм. Структурный анализ эпистемологии. “Человек, наука, общество: комплексные исследования”. М., 1992.

⁷ К. Маннгейм. Очерки по социологии знания. М., 2000, с. 97-98.

культурных контекстах и сферах познавательной деятельности общества (социология познания);

- парадигмальные, теоретико-методологические и эпистемологические основания самой социологии и ее место и возможности (ограничения) в социогуманитарном знании (социология социологии)⁸.

В рамках социологии знания, I и III уровни познания в социологии находятся в тесной взаимообусловленности, так как производители социологического знания являются одновременно и частью познаваемого объекта. Мы можем продолжить данную эпистемологическую цепочку, учитывая, что следующий мета-метатеоретический уровень знания может быть определен, как социология эпистемологии, поскольку сами производители эпистемологического знания также включены в социально детерминированную схему познания (и включены в систему контекстуально-общественных отношений). Визуально указанную схему можно представить, как аналог листа Мебиуса.

Таким образом, анализ социально-культурной детерминированности научного, а тем более, социологического знания (этим вопросам посвящен ряд исследований Кнорр-Цетины⁹, Бруно Латура¹⁰) приводит нас к дефиниции принципиально иной области исследования, метатеоретической области исследования: определение и анализ социального контекста произведенного знания, анализ смысловых единиц, категориального аппарата и когнитивных механизмов произведенного социологического знания.

В 60-ых годах прошлого века Мишель Фуко¹¹ затронул проблематику когнитивных рамок получения знания в связи со спецификой концепций, характеризующих ту или иную эпоху и спецификой отражения их в конкретных текстах. «Археология» знания по Фуко – это способ раскрытия структуры мышления с помощью анализа подлинных текстовых документов конкретной эпохи. Для подобного анализа соотношения языковых и культурных особенностей с социальными, Фуко вводит понятия “дискурсивные практики” и “дискурсивные формации”. «Дискурсивные практики – это скорее лишь некие языкоподобные, т.е. похожие на язык своей структурирующей способностью механизмы познания и культуры»¹². Определения понятия «дискурс» появляются с середины XX века (хотя ранее и Ф. Соссюром и были определены основные концепции структурной лингвистики). Дискурсивные исследования выделились в отдельную активно развивающуюся междисциплинарную область на стыке лингвистики, социологии, психологии. Современное

⁸ См.: М. Малкей. Наука и социология знания. М., 1983, 254 с.

⁹ См.: К. Knorr-Cetina. The Manufacture of Knowledge. Oxford, 1981.

¹⁰ См.: B. Latour, S. Woolgar. Laboratory Life. Construction of Scientific Facts. Princeton, 1986.

¹¹ См.: М. Фуко. Археология знания. Пер. с фр., Киев, 2001.

¹² См.: Там же, с. 60.

понимание дискурса включает как устную, так и письменную речь, погруженную в ткань реальной жизни людей. В коммуникативно-когнитивном, intersubъективном смысле слова в термине «дискурс» воплощаются разнообразные признаки социальных детерминант жизненных интенций личности.

Имеется широкий спектр подходов в определении дискурса¹³, однако в контексте этой работы наиболее оптимальным является интегративный подход, вбирающий в себя следующие определения дискурса:

- дискурс — это коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (читающим и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и ином контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие¹⁴,

- дискурс — это теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста¹⁵.

Задача состоит в том, чтобы постичь внутреннюю логику явления, охарактеризовать приемы конструирования сюжета в реальности. Более того, анализ дискурса касается анализа тех общественных институтов, через которые происходит «социальный диалог между индивидами, группами, а также и между самими социальными институтами, действовавшими в этом диалоге»¹⁶.

Дискурсивные исследования можно рассматривать как определенную квинтэссенцию новой эпистемологии знания, характеризующие внутренние структурные механизмы взаимообусловленности социально-культурного контекста и конструирования реальности на основе имеющегося знания.

Таким образом, возникает необходимость новых подходов к анализу и диагностике научного социологического знания. Одним из таких методов может служить дискурс — анализ социологических научных текстов, цель которого определить индикаторы достоверности социологического знания. Методология этого метода основана на следующих концептуальных положениях:

- социологический научный текст является выражением конкретного социологического научного знания;

- социологический научный текст есть определенная дискурсивная практика, отражающая конкретную дискурсивную формацию.

¹³ См. например: «Дискурс — это речь, погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова) или «Дискурс — это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология» (Толпыгина О.А.).

¹⁴ См.: J. P. Gee. *An Introduction to Discourse Analysis// Theory and Method*. London: Routledge, 1999, с. 26-27.

¹⁵ См.: J. Potter. *Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences / Ed. J. T. E. Richardson*. Leicester: British Psychological Books, 1996, с. 125-140.

¹⁶ См.: М. Л. Макаров. *Основы теории дискурса*. М., 2003, с. 128.

Для анализа и диагностики конкретного социологического знания предлагаются следующие задачи:

- выявить и охарактеризовать в процессе анализа социально-культурную контекстуальную детерминанту производимого социологического знания,
- выявить структурные составляющие когнитивных схем получения нового знания,
- измерить величину аффективной компоненты знания,
- обрисовать иерархию целевых и конъюнктурных установок полученного знания, на основании чего измерить:
 - уровень контекстуальной и аффективной зависимости знания,
 - степень нейтральности произведенного знания,
 - аргументированности и связанности когнитивных схем.

Отметим, что несмотря на многообразие подходов к определению и разработке основ дискурс-анализа, на сегодняшний день нет единой исследовательской методологии такого рода анализа. Подходы к методологии анализа носят мозаичный, зачастую противоречивый характер, обусловленный широким спектром междисциплинарных парадигм, областей применения и целеполагания, многомерностью интерпретативных методик при формулировке исследовательских задач.

Для решения вышеизложенных задач может служить структурированная методология дискурс-анализа социологических текстов, вбирающая в себя парадигмы как качественного, так и количественного структурного анализа.

Чтобы кратко охарактеризовать предлагаемый метод анализа и диагностики социологического знания (*ДАСНТ - дискурс анализ социологических научных текстов*), рассмотрим основные этапы его проведения:

I уровень анализа (макроанализ текста):

- Определение социально-культурных детерминант контекста создания социологического знания (*макрокатегории: глобальные домены - глобальные действия - глобальные акторы; микрокатегории: обстановка времени и места - локальные действия - участники*);
- Определение топика текста, макроструктуры текста (макропозиции); характеристика дихотомии тема - рема текста;
- Описание скрипта (сценария) текста, выделение структурных фрагментов текста;
- Выделение конструктивной структуры, когерентности и связной структуры текста, цепей семантического единства и семантического разрыва.

II уровень анализа (мезоанализ текста):

- Анализ принципов языковой организации текстовых фрагментов;
- Определение коммуникативных функций фрагментов;
- Выявление уровней взаимодействия и взаимопроникновения

фрагментов с различными коммуникативными стратегиями;

- Выделение основных фреймов, использованных в тексте;
- Определение структуры каждого фрейма: вершина фрейма и слоты (или терминалы);

- Анализ когнитивной структуры текста, выделение аналитических и полемических структур; анализ структур аргументации, аргументативных утверждений и их структурация; ассоциативно связанных пропозиционных когнитивных сущностей; когнитивной архитектуры дискурса: выделение пресуппозиций дискурса, экспликатур и конвенциональных и неконвенциональных, коммуникативных имплицатур; формально-логических и вероятно-индуктивных инференций;

- Анализ конативной структуры текста, выделение речевых актов, определение и характеристика иллокуции и перлокуции акта, способа и стиля осуществления акта, институциональности, перформативности, временной и фактической дислокации акта, интенсивность акта; определение способа целеполагания и целедостижения; условия успешности целедостижения: выделение типов актов по целям (ассертивные, коммиссивные, директивные, декларативные, экспрессивные);

- Анализ аффективной (оценочной) структуры текста; измерение ценностных ориентаций; характеристика самооценок.

III уровень анализа (микроанализ текста):

- Выделение пропозициональной структуры текста, определение референциальных единиц и расчет расстояния между ними; определение семантических образцов;

- Характеристика дискурсивного дейксиса: дискурсивных маркеров, лексических форм, перформационных глагольных форм с модальными значениями различной степени уверенности и позитивно-негативной коннотации.

Таким образом, предлагаемый метод предполагает наличие конкретного социологического текста, определение его контекста, выделение макроструктуры, определение референциальных единиц, вычисление расстояния между ними, описание мезоструктуры, а именно аффективных, когнитивных, конативных фреймов, выделение аргументативных и полемических схем. Кроме того, анализ микроструктуры предполагает выделение дискурсивных маркеров и лексических форм с определенными коннотациями, которые затем соотносятся с конкретным фреймом. Фреймы выделяются с помощью иерархического кластерного и латентно-структурного анализов. Оценка независимости текста от субъективных установок исследователя производится через подсчет удельной доли аффективных фреймов по отношению к аргументативным схемам. Объективность получаемого метазнания основана на доступности конкретного документа, как источника социологического знания, и формализованной схеме анализа, которую могут проводить несколько независимых исследователей.

Одним из результатов применения метода ДАСНТ к ряду социологических русскоязычных текстов явилось выделение конкретного политического дискурса со всеми своими известными атрибутами¹⁷, среди которых:

- противопоставление «мы» - «они»;
- позитивная характеристика ингруппы, негативная — аутгруппы;
- апеллирование к высоким целям ингруппы;
- апеллирование к идее справедливости при выборе решения;
- использование риторических категорий, эпитетов и т.п.

Далее, следует отметить наличие практически во всех рассмотренных текстах черт советского политического дискурса (или тоталитарного дискурса), разработанных в работах Серии¹⁸. Атрибутами этого дискурса являются *номинализация, композиция, декларативность речевых актов и пропозиций*. Номинализация проявляется в обезличивании представляемых пропозиций, отсутствии ответственного субъекта в коннативных схемах. Тем самым, утверждение представляется в само собой разумеющемся виде. Композиция представляется в использовании эквивалентности разнородных понятий, т.е. в виде логической цепочки тождеств, иногда латентных, в использовании эквивалентности разнородных понятий. Особенностью выделенных черт тоталитарного дискурса было наличие ярко выраженного западного либерально-демократического содержания.

Иными словами, функциональная нагрузка социолога, как транслятора политической идеологии, являющаяся прямым наследием советской социологической школы, актуальна до сих пор, когда происходит замена коммунистической идеологии на либерально-демократическую.

Таким образом, при дискурс-анализе социологических текстов можно проследить отражающиеся в социологическом знании тенденции в общественном мнении, ментальные схемы, механизмы и особенности восприятия ситуации и ее интерпретации, транслируемые общественным и политическим мнением, особенности социального самосознания и возможные границы научности.

Մ. Ի. ՉԱՍԼԱՎԱՐՉԱՅԱ – Սոցիոլոգիական գիտելիքի վերլուծության մեթոդաբանության հարցի շուրջ – Հոդվածում ուսումնասիրվում են սոցիոլոգիական գիտելիքի հավաստիությանը վերաբերող հիմնահարցերը՝ արդի մոտեցումների տեսանկյուններից: Առաջարկվում է սոցիոլոգիական գիտելիքի վերլուծության և ախտորոշման վերլուծական մոդել՝ հիմնված դիսկուրս վերլուծության սկզբունքների վրա:

¹⁷ См.: D. Howarth. Discourse Theory: Approaches to Political Science. N.Y., 1994.

¹⁸ См.: Ю. С. Степанов. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М., 1995, 432 с.